

Баландина И. А.

ORCID: 0000-0002-4749-5018

Екатеринбург, Россия

E-mail: balandinairina00@gmail.com

УДК 821.-161.1-1 (Бродский И.)

DOI: 10.12345/2306-7462_2021_01_11

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ИОСИФА БРОДСКОГО

Аннотация. В статье рассмотрена система орнитологических образов в соотнесенности с творческой самоидентификацией поэта, выделены три ключевых образа, маркирующих эволюцию орнитологического само-отождествления поэта: петух, ворона, ястреб. Показано, что в создании образов учитывается как фенотипические особенности поведения и внешнего вида птицы, так и культурные коннотации ей присущие. Образ петуха становится отправной точкой в эволюционном пути развития орнитологических образов, как правило образ описан ретроспективно, отражая перелом в мышлении поэта начала 1960-х гг. Образ вороны содержит в себе как идею отчужденности поэта от остального мира, так и отсылает благодаря внешним особенностям данной птицы к национальной самоидентификации. Образ ястреба, реализованный в стихотворении «Осенний крик ястреба», становится логическим завершением эволюционного пути образной самоидентификации и напрямую связан с поэтологической концепцией И. Бродского.

Ключевые слова: орнитологические образы; орнитология; самоидентификация; лирические жанры; творческая эволюция; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; поэтические образы.

Balandina I. A.

Ekaterinburg, Russia

JOSEPH BRODSKY'S ORNITHOLOGICAL IMAGES

Abstract. This article discusses the system of ornithological images in relation to the creative self-identification of the poet. There are three key images that mark the evolution of the poet's ornithological self-identification: a rooster, a crow, and a hawk. Creating these images, Brodsky relies on the characteristics of the behavior and appearance of a real bird, as well as on the cultural context. The image of the rooster becomes the starting point in the evolutionary path of development of Brodsky's ornithological images, it is described retrospectively and reflects the turning point in the poet's thinking in the early 60s. The image of the crow, which appeared later, contains both the idea of the poet's alienation from the rest of the world, and refers by the external features of this bird to the theme of Brodsky's Jewish nationality. The image of a hawk, implemented in the poem «The Autumn Cry of a Hawk», becomes the logical conclusion of the poet's figurative self-identification evolutionary path, combining the features of a rooster and a crow images.

Keywords: ornithological images; ornithology; self-identification; lyric genres; creative evolution; Russian poetry; Russian poets; poetic creativity; poetic genres; poetic images.

Орнитологическая образность для многих поэтов — неотъемлемая часть их художественного мира, что закономерно привлекает внимание исследователей¹. Образ птицы для поэзии И. Брод-

¹ См., например: *Анисимов К. В.* Порывая «всякую связь с землёю». Орнитология бунинского травелога «Тень птицы»: поэтика и смысл / Анисимов К. В. Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 5–11.; *Бельская Л. Л.* Ласточка в русской поэзии / Бельская Л. Л. // Русская речь. 2013. № 2. С. 45–51.; *Блищ Н. Л.* Литературная орнитология: Гоголь — Ремизов — Сирийн — Соколов / Блищ Н. Л. // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1 (1). С. 93–97.; *Колчина Ж. Н.* Образ-символ кукушки в поэтическом мире А. Ахматовой (мифологизация времени и пространства) / Колчина Ж. Н. // Грехнёвские чтения. 2007. С. 103–107.; *Райкова И. Н.* Международная междисциплинарная гуманитарная научная конференция «Птица как образ, концепт, знак» / Райкова И. Н. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 4 (28). С. 130–134.; *Скворцов А. Э.* Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика / Артём Скворцов. М.: ОГИ. 2015. 528 с.; *Скрипова О. А.* «Быть голубкой его орлиной»: образы птиц в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло» / Скрипова О. А. // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 207–212.

ского столь же важен, как, скажем, ласточка для О. Мандельштама или кукушка для А. Ахматовой. Это и снегирь, отсылающий к Дер-жавину, и чайка — неотъемлемая деталь Ленинградского и морского пейзажа, и орел, в том числе двуглавый, «еврейская птица ворона» и ястреб, ставший автометафорой поэта в стихотворении «Осенний крик ястреба».

Функциональность орнитологических образов связана с пространственной вертикалью поэтического мира И. Бродского, контрастом земли и неба, времени и вечности, несвободы и возможности свободного полета. С определенного времени птицы и птички стаи становятся символом возможности/невозможности возвращения домой: тема эмиграции Бродского и тоска по родине неоспоримо отражаются в его стихотворениях, и собственная физическая несвобода сублимируется в том числе в отождествлении себя и своего духа с безвременным и неограниченным ничем образом птичьего полета.

Образный строй лирики Бродского дает возможность говорить и еще об одной важной роли птичьих образов — как способе и одном из вариантов самоидентификации. Остановимся на трех очевидных образах, смысловая значимость которых, на наш взгляд, прямо связана с самоописанием Бродского, прежде всего, как поэта: петух — ворона — ястреб.

Образ петуха у Бродского, помимо прямого отношения к сельскому пейзажу, предстает неоднократно как символ обновления, внутренней жизни и пробуждения: «*В этом силлом хрипении, / за годами, / за веками, / я вижу / материю времени, / открытую петухами*» [Бродский 1992 (I): 22]. В обращении поэта к самому себе образ петуха не утрачивает семантики жизни и внутренней энергии: «*Былое упоительней грядущего. / И прожитым уверенней дышу. / Ни облика, ни голоса петушьего / теперь уже в себе не нахожу*» [Бродский 1992 (I): 201].

В данном случае признание исчезновения у себя «петушьих» черт — яркости внешнего вида и громкости голоса, становится символом определенного психологического сбоя, возможно, связанного с событиями начала шестидесятых годов (дело Шахматова и Уманского). Впрочем, допустимо и другое толкование. В разговорном языке существует выразительный фразеологизм «пустить петуха» — сфальшивить при пении, сорваться на высокие писклявые ноты. Если брать во внимание данное значение «петушьего голоса», можно судить о внутреннем развитии поэта, об осознании им изменений в своей личности. В беседе с Соломоном Волковым

Бродский вспоминает о душевном переломе, произошедшем в нем в тот период: «Один такой момент я помню очень отчётливо, это было в году в 62-м. Я написал стихи: “Все чуждо в доме новому жильцу”. На самом-то деле это, конечно, не про жильца, это метафора такая была. Потому что я вдруг понял, что стал не то чтобы новым человеком, но что в то же тело вселилась другая душа. И мне вдруг стало понятно, что я — это другое я. С тех пор такого порядка перемен со мною, пожалуй, не происходило» [Волков 2000: 168].

Образ петуха — отправная точка в эволюции орнитологическом самоотжествлении Бродского. Вторая — появление образа вороны. Ворона (но не собирательное «вороньё») в лирике Бродского имеет три основных значения: элемент городского пейзажа, еврейская птица и «белая ворона» как символ обособленности поэта от общества. Впрочем, последние два значения чаще всего неразрывно связаны друг с другом. Добавим — характерные фенотипические черты этой птицы становятся регулярной отсылкой к теме национальности, что со всей прямотой явлено в стихотворении «Воронья песня» (1964):

*Извивайся, червяк чернильный
в клюве моем, как слабый, которого мучит сильный;
дергайся, сокращайся! <...>
Знать, в холодную пору, мертвые рожи, рта вам
не выбирать, и скажите спасибо нам, картавым!*
[Бродский 1992 (I): 303]

Следующее упоминание вороны также открыто связано с самоопределением поэта и его чувством собственной чужеродности: национальность, в детстве служившая предметом насмешек и гонений, его нонконформизм и сама суть предназначения — поэзия, становятся основой для понимания себя «белой вороной»: «Вот я весь пред тобой, словно пенек из снега, / горло вытянув вверх — вран, но белес, как аист...» [Бродский 1992 (I): 308]. В последний раз образ вороны появляется по отношению к самому себе у Бродского в 1980-х годах и подсвечен трагической интонацией:

*То ли сыр пересох, то ли дыханье сперло.
Либо: птица в профиль ворона, а сердцем — кенар.
Но простая лиса, перегрызая горло,
не разбирает, где кровь, где тенор.*
[Бродский 1994: 20]

Одновременно с вороной (в шестидесятые годы) появляется в лирике Бродского образ попугая. У данной птицы в культуре имеются весьма конкретные коннотации — попугай рассматривается как символ бездумной, пустой болтовни, шутовства и подражательства. Именно сема подражательства и отражается у Бродского, когда он рядом с этой птицей ставит «я». Впрочем, стихотворение «Одной поэтессе» сложно воспринимать как серьезную автохарактеристику Бродского: «Я эпигон и попугай. Не вы ли/жизнь попугая от себя скрывали?/Когда мне вышли от закона «вилы»,/я вашим прорицаньем был согрет» [Бродский 1992 (I): 431]. В интервью с Валентиной Полухиной Бродский на уточняющий вопрос: «– Ваше стихотворение «Одной поэтессе» обращено, случайно, не к Белле Ахмадулиной? — отвечает: — Да нет же. Белла тоже почему-то приняла их на свой счет. Просто к одной знакомой, которую я с таким же успехом мог бы назвать астронавтом, а назвал поэтессой, несколько иронически, может быть, даже оскорбительно» [Полухина 2009: URL].

После эмиграции в поэзии И. Бродского появляется образ ястреба, наиболее полно воплотивший себя в стихотворении-автометафоре «Осенний крик ястреба» (1975). Н. Д. Арутюнова рассматривает автометафору как комбинацию метафоры и метаморфозы, своеобразного языкового превращения: «На “перекрестке” метафоры и метаморфозы возникает автометафора — метафорическая самоидентификация поэта, проливающая некоторый свет на психологию творчества. <...> Автометафора, по-видимому, рождается из непосредственного ощущения» [Арутюнова 1990: 30]. Ястреб Бродского передает мироощущение поэта, становится воплощением его концепции поэта, не случайно Бродский называл это стихотворение в ряду самых любимых. Образ ястреба как альтер-эго поэта — результат длительных внутренних поисков. А. Скворцов приводит в своей статье, посвященной этому стихотворению, цитату из шуточного послания Бродского В. Соловьёву и Е. Клепиковой, датированного 1972 годом: «“А вообще они похожи/на двух смышленных голубей,/что Ястреба позвали в гости,/и Ястреб позабыл о злости” (цит. по: Соловьёв 2002: 87)» [Скворцов 2015: 111].

Идея подвластности поэта языку — это одна из главных мировоззренческих и эстетических концепций Бродского. Скворцов считает «Осенний крик ястреба» их иллюстрацией: «Поэт, по Бродскому, всегда старается взять нотой выше, идеей выше — и сухая

теория мастерски воплощается им в трагический и зримый образ» [Скворцов 2015: 114].

Петушиный крик и вороний профиль трансформируются в новый, иного уровня образ, образ ястреба, птицы одинокой, оторванной от земли: «Птицу поднимает стихия воздуха — поэта влечёт за собой стихия языка. Душераздирающий крик ястреба, “не/предназначенный ни для чьих ушей”, есть не что иное, как песнь современного поэта, обращённая в пустоту» [Скворцов 2015: 114].

Большая часть стихотворения отдана описанию пейзажа. Возможно, за подобную детализацию Э. Лимонов назвал Бродского «поэтом-бухгалтером» — подробные перечисления мельчайших элементов пейзажа в тесноте стихотворного ряда кажутся чрезмерными, неуместными, но вместе с этим создают живописную, реальную картину, вид с высоты птичьего полета. Ястребиный (= поэтический) глаз способен разглядеть разбитую скорлупу в алую крапинку или «пустоту в лице ребенка, замершего у окна». Возникающее сравнение плюсны с пальцами рук переводит ястребиный образ в человеческий: «...он парит в голубом океане, сомкнувши клюв, // с прижатою к животу плюсною // — когти в кулак, точно пальцы рук...» [Бродский 1992: 377].

А с возгласом «Эк куда меня занесло!» — даже «слишком человеческим». Точка невозврата пересечена, ветер-помощник становится ветром пленившим, озлобленность и отчаяние в попытках вернуться туда, куда уже не попасть, выталкивает только выше и выше, в безвоздушное пространство: «Он опять // низвергается. Но как стенка — мяч, // как падение грешника — снова в веру, // его выталкивает назад. // Его, который еще горяч!» [Бродский 1992: 378].

Его, который еще горяч. 1975 г. — Бродскому тридцать пять лет. «Земную жизнь пройдя до половины...» — до половины, а уже отчаяние, переход через точку невозврата и понимание собственной обособленности от остального мира где-то далеко в ионосфере, в пространстве материй, выше обыденной жизни. Остается только кричать: «И мир на миг // как бы вздрагивает от пореза» [Бродский 1992: 379].

Творчество Пушкина, Мандельштама, Маяковского, Ахматовой, Бродского — это все тот самый крик поэта-ястреба, сгорающего в стратосфере, от которого мир только на мгновение вздрогнет, как от болезненного укола или пореза. Вздрогнет и снова заживёт, как прежде, и заметит лишь паутину-сеть звуковых волн,

трещин на куполе неба-мироздания, созданных этим отчаянным криком. И слова-перья все же опадут вниз пеплом-снегом, и трещина в мироздании срастется. И осенний, последний крик означает собой приход зимы, а английские дети увидят снег, и будут по-английски кричать «Зима, зима!» Поэт остается и сгорает в мире идей, как ястреб в ионосфере, чтобы вернуться на землю не самому — словами, оставшимися после него. Пожалуй, в этом и есть цель поэта, творца — сгореть, но остаться в вечности трещинками-кружевами на небосводе.

Бродский обращается к жанру длинного стихотворения, его размер и рифмовка уходят корнями к оде Горация, повторяя и «птичий сюжет», в котором лебедь сменяется ястребом. Повышенная сложность стихотворного текста, заставляющая возвращаться к предыдущим строкам, чтобы снова поймать убегающую сложную рифму, передает и ощущение тяжести взлета. Строфы нельзя разделить, в редких случаях они не связаны между собой оборванным в конце одной и продолженным в конце другой строфы предложением. Перечисления без союзов создают ощущение спешки, какой-то сбивчивости, и оттого нарастает всё большее ощущение тревоги, чтобы оборваться в самом конце детским криком.

От петуха до ястреба можно проследить тот самый невозвратный полет: подъем от не летающего, но кричащего петуха, к способной летать одинокой белой вороне, а от неё к взмывшему слишком высоко, надрывно кричащему, обречённому на одиночество ястребу.

За последующие двадцать лет творчества воздушные потоки так и не позволяют ястребу-поэту опуститься ниже. Образ ястреба «не отпускает» поэта, он появляется как символ неизбежности, подтверждая тем самым свою неразрывную связь с личностью поэта:

*Скорлупа куполов, позвоночники колоколен.
Колоннады, раскинувшей члены, покой и нега.
Ястреб над головой, как квадратный корень
из бездонного, как до молитвы, неба.*

[Бродский 1994: 47]

Настолько отличные друг от друга, но выстроенные поэтической судьбой в строгую последовательность, образы петуха, вороны и ястреба оказываются логическими продолжениями друг дру-

га с кульминацией в высшей точке смертельного осеннего крика ястреба в поэтическом космосе.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз./Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

Бродский И. Собрание сочинений в 4 т. СПб.: Пушкинский фонд, 1992–1995.

Бродский И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд, 1992. 479 с.

Бродский И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 1992. 479 с.

Бродский И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. 448 с.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским/Вступительная статья Я. Гордина. М.: Издательство Независимая Газета, 2000. 328 с., ил.

Скворцов А. Э. Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика/Артём Скворцов. М.: ОГИ, 2015. 528 с.

Полухина В. Иосиф Бродский: Мой враг — вульгарность/Полухина В. П. // Российская газета. Федеральный выпуск № 186 (5010), 2009 [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2009/10/02/brodskij.html> (дата обращения 25.12.2020).

REFERENCES

Arutyunova N. D. Teoria metafory: Sbornik: per. s angl., fr., nem., isp., polsk. yaz./Vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoy; obsch. red. N. D. Arutyunovoy i M. A. Zhurinskoy. M.: Progress, 1990. 512 s.

Brodsky J. Sbranie sochineniy v 4-h tomah. SPb.: Pushkinsky fond. 1992–1995.

Brodsky J. Sbranie sochineniy v 4 t. T. 1. SPb.: Pushkinsky fond, 1992. 479 s.

Brodsky J. Sbranie sochineniy v 4 t. T. 2. SPb.: Pushkinsky fond, 1992. 479 s.

Brodsky J. Sbranie sochineniy v 4 t. T. 3. SPb.: Pushkinsky fond, 1994. 448 s.

Volkov S. Dialogi s Iosifom Brodskym/Vstupitelnaya statia Y. Gordina. M.: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta, 2000. 328 s., il.

Skvortsov A. E. Poetycheskaya genealogia: Issledovania, stat'i, zametki, esse i krityka/Artyom Skvortsov. M.: OGI, 2015. 528 s.

Polukhina V. Iosif Brodskiy: Moi vrag — vulgarnost/Polukhina V. P. // Possiyskaia gazeta — Federalniy vypusk. № 186 (5010), 2009. [Available from] URL: <https://rg.ru/2009/10/02/brodskij.html> (accessed: 25.12.2020).

Науч. руководитель: Снигирева Т. А., д. филол. наук, проф.

Данные об авторе

Author's information

Баладина Ирина Александровна — студент третьего курса филологического факультета Уральского федерального университета.

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

E-mail: balandinairina00@gmail.com

Balandina Irina Alexandrovna — 3rd year student of Philologic Department of Ural Federal University.